

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К35

Minka Kent

THE THINNEST AIR

Copyright © 2018 by Nom De Plume LLC
This edition is made possible under a license arrangement originating
with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration
with Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *А. Бушуева, Т. Бушуевой*

Художественное оформление *С. Власова*

Кент, Минка.

К35 Легчайший воздух / Минка Кент ; [перевод с английского А. Бушуева, Т. Бушуевой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-108562-9

Мерedit только что вышла замуж за Эндрю Прайса, богатого разведенного бизнесмена в два раза старше ее. Все уверены, что это брак по расчету, но Мерedit утверждает, что без ума от мужа, и даже ссорится из-за этого с сестрой.

Когда Мерedit внезапно пропадает, ее сестра Грир принимает участие в поисках. Чем больше она узнает людей, окружавших Мерedit в последнее время, тем яснее понимает — разобраться, что случилось с сестрой, будет очень непросто, а там, где хранится ответ, очень и очень темно.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Бушуев А., Бушуева Т., перевод
на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»», 2020

ISBN 978-5-04-108562-9

ГЛАВА 1

Мередит

Тридцать шесть месяцев назад

а, кто утверждает, что шоколадный торт лучше секса, никогда не имела Эндрю Прайса у себя между ног.

За окном нашего отеля высится припорошенная снегом Эйфелева башня, смятые простыни в беспорядке валяются на полу.

Это... это медовый месяц.

Эндрю ложится на меня, и его мускулистое, спортивное тело блестит и сияет. Он целует меня, и я чувствую на его языке свой собственный вкус.

Ему нравится, что я без комплексов и готова на все.

Поправлю себя — *любит*.

Ему также нравится, что я почти вдвое моложе его, что мое либидо еще не достигло своего пика, а мое тело как будто создано для воплощения фантазий школьника в сознании разведенного мужчины среднего возраста.

Я глажу его мускулистый торс и улыбаюсь.

Я люблю его. Я люблю его в миллион раз сильнее, чем представляла себе когда-нибудь, что смогу так любить другого человека. Вряд ли это кто-то

6 МИНКА КЕНТ

поймет, и уж тем более — моя сестра. Грир убеждена, что наш брак — это отношения богатого пожилого папика и молодой девушки, ради денег и показушной роскоши готовой на все, но она ошибается.

Впрочем, опасения Грир мне понятны.

За последние шесть месяцев Эндрю погасил мой студенческий заем, купил мне машину и бросил к моим ногам красивую жизнь. Но моей сестры нет в наших ночах, она не видит нежности его прикосновений, его долгих поцелуев. Она никогда не узнает, каково это — смотреть через всю комнату на Эндрю Прайса и чувствовать, как земля дрожит под моими нетвердыми шагами.

Он творит со мной нечто невероятное. То, чего еще никто не делал.

С ним я любима. С ним я в безопасности.

И поэтому знаю, что все это реально.

Дорогие машины, роскошные ужины, шкаф, набитый одеждой «от кутюр», — это все лишь приятные мелочи. Потеряй он завтра все, что имеет, я все равно осталась бы с ним рядом. Даже одетого в лохмотья я любила бы его по-прежнему.

— Еще шампанского? — Он встает с меня и направляется к мини-бару. Я сразу же начинаю скушать по его теплу, его легкому мускусному запаху. Он — мой наркотик, его я вижу даже с закрытыми глазами, потому что, когда вы кого-то любите, вы отдаетесь любви сполна. Вы безоглядно влюбляетесь и не оглядываетесь назад. Ведь как можно противостоять столь мощному волшебству?

Я перекатываюсь на бок, подтягиваю колени к груди и, положив голову на руку, люблюсь моим идеальным мужем, молча пожираю глазами каждый

дьюм его тела, которое сейчас по праву принадлежит мне.

Ни одна другая женщина не может прикасаться к нему так, как я.

Ни одна другая женщина не способна подарить ему то, что дарю ему я.

И он это знает.

— Да, пожалуйста, — отвечаю я, и мое сердце трепещет, когда его взгляд задерживается на моем теле. Он ценит меня, ценит, что я принадлежу ему. До Эндрю меня всегда тянуло к мужчинам моего возраста, я ошибочно принимала их высокомерие за спокойную уверенность в себе.

Эндрю несколько не высокомерен. Он успешен, уверен в себе. Но он не заносчив. Он просто знает, чего хочет, и не боится этого добиваться.

Я так рада, что он пожелал меня.

Он наполняет два высоких бокала доверху и возвращается с ними в постель.

— Ты ведь будешь любить меня вечно, правда? — На моих губах играет лукавая усмешка, призванная скрыть серьезность вопроса. Я делаю глоток и мгновение жду, пока пена осядет на языке. Я хочу запомнить это мгновение. Хочу прочувствовать все, запечатлеть в своей памяти навсегда. — Несмотря ни на что?

Эндрю делает глоток. Его глаза цвета ликера «Амаретто» удивленно смотрят на меня.

— Что за вопрос? — Он прижимается губами к моему лбу и, вздохнув, прикасается ладонью к моей щеке. — Ты моя жена, Мередит. Ты и я. Мы. Навсегда. Ты навеки связана со мной.

В этот момент я предпочитаю не думать о том, что я у него третья.

8 МИНКА КЕНТ

Он утверждает, что его первый брак не в счет. Они были молоды, только что выпорхнули из дверей школы. К моменту окончания колледжа они развелись. Детей у них не было. По словам Эндрю, он едва помнит тот отрезок своей жизни. Всякий раз, пытаясь вспомнить ее имя, он щурится, словно это дается ему с трудом. Он был слишком занят учебой, а в свободное время дешевым свиданиям с юной возлюбленной в студенческом городке предпочитал регби или шумные попойки с друзьями.

Затем в его жизни появилась Эрика. Я стараюсь не думать о ней и очень надеюсь, что она не испортит мне этот чудесный миг.

Она ненавидит меня.

Но это чувство взаимно.

— Скажи это еще раз.

С бокалом в руке я перекатываюсь на спину и укладываю простыни между ног.

— Что сказать еще раз?

— Жена. — Я делаю глоток и тщетно пытаюсь спрятать счастливую улыбку. Она не сходит с моих губ с того момента, когда он поцеловал меня на глазах у трехсот семидесяти шести наших ближайших друзей и родственников.

Эндрю устраивается рядом со мной, проводит ладонью по подбородку с симпатичной ямочкой и усмехается.

— *Ты моя жена*, — медленно, почти по слогам, произносит он.

Я поднимаю взгляд на его точеный подбородок и по-мальчишески симпатичное лицо. У него глаза куда более молодого мужчины, а вот волосы на висках серебрятся проседью. Но это лишь добавляет ему привлекательности. И еще он необычайно ум-

ный. Он рассуждает об акциях, облигациях и прочих ценных бумагах так, что это пугает даже самых ушлых брокеров фондового рынка.

— Ты самый красивый мужчина на свете, — говорю я, протягивая руку к его лицу, и кончиками пальцев касаюсь его губ идеальной лепки. — Даже не верится, что ты мой муж.

Еще семь месяцев назад я не знала о существовании Эндрю.

Шесть месяцев назад я работала официанткой и обслуживала посетителей кафе в Денвере, когда он вошел туда с группой мужчин в темных деловых костюмах и солидных галстуках. Я приняла у него заказ, и, когда он вернул мне меню, его рука коснулась моей руки. Он улыбнулся. Я улыбнулась в ответ. Все остальное на мгновение исчезло.

— Все случилось так быстро, не так ли? — спрашивает он и, закинув руку за голову, смотрит в потолок. — Я просто не мог позволить тебе уйти.

Я сразу поняла, что Эндрю окажется не таким, как все, хотя бы потому, что на нашем первом свидании не было ни бургеров, ни пива, ни бейсбола. Когда Эндрю заехал за мной, он был в костюме и при галстукe. В ресторане он подошел к стойке метрдотеля и подтвердил бронирование столика. А когда мы делали заказ, он точно знал, какие вина будут сочетаться с выбранным мной блюдом.

За все время нашего свидания он ни разу не взглянул ни на одну из проходивших мимо красивых женщин. Он всякий раз придерживал для меня дверь. Был верхом учтивости и хороших манер. Ни словом не обмолвился о своих бывших женах. И ни разу не проверил в моем присутствии свой телефон.

В ожидании нашего свидания я волновалась, что у нас с ним не найдется ничего общего. Судя по тому, что мне удалось узнать благодаря коротенькому расследованию в социальных сетях, он был отцом-одиночкой с двумя детьми. Он работал в сфере финансов и не имел привычки зависать в интернете, свой последний пост на Фейсбуке он опубликовал четыре года назад.

Глоток. Свежего. Воздуха.

После ужина Эндрю увез меня на симфонический концерт. В антракте он приносил мне вино и терпеливо ждал у дверей дамской комнаты, ни разу не пожаловавшись на то, что я ужасная копуша.

Когда тем вечером мы шли к его машине, у меня сломался левый каблук и я подвернула лодыжку. Так мне и надо, нечего было одалживать дешевые туфли у соседки по комнате. Эндрю не стал обнимать меня за плечи, помогая доковылять к машине, чтобы закончить свидание на неловкой ноте. Нет, он, словно жених невесту, подхватил меня на руки. Прохожие, неодобрительно кривя губы, смотрели на нас взглядами снобов, но Эндрю не обращал на них никакого внимания.

Его единственной заботой была я.

Той ночью, привезя меня домой, он помог мне лечь в постель, принес лед и аспирин, взял мой телефон и подключил его к зарядному устройству, а затем оставался рядом со мной до тех пор, пока я не уснула.

Вот такой он человек, этот Эндрю Прайс.

Мне еще ни разу не встречался молодой мужчина, который обладал хотя бы половиной достоинств того человека, что покорило мое сердце в тот момент, когда я меньше всего этого ожидала.

Он — все, чего я хотела, хотя и не догадывалась об этом.

Все, что мне нужно.

Подкатившись к нему, я прижимаюсь щекой к его груди, слушаю ритмичное биение его сердца и вдыхаю пьянящий аромат его обнаженной кожи. Мое тело сдается волне сладостного изнеможения.

Я буду с Эндрю Прайсом до конца моих дней.

Даже не верится, что мне так повезло.

ГЛАВА 2

Грир

День второй

— Харрис! — Я колочу в его дверь до тех пор, пока костяшки пальцев не начинают неметь, а затем осматриваю покрасневшую кожу — ее цвет теперь почти под стать моему облупленному маникюру. В семь часов январским утром солнце все еще прячется за горизонтом и сверкающими громадами небоскребов Манхэттена. Ветер безжалостный, холод лютый. Я уверена, что он все еще нежится в постели, но у меня через три часа самолет, и я не могу себе позволить такую роскошь, как простая вежливость. — Харрис, живо открывай эту гребаную дверь! Я знаю, что ты дома.

Было бы гораздо проще, будь у меня ключ, но в прошлом году я решила, что нам нужно установить границы, чтобы не действовать друг другу на нервы. Это означало, что я уйду от него. Ненормально, когда два человека, расставшиеся много лет назад, живут вместе, спят в одной постели, словно беспо-

лая супружеская пара, и посещают свадьбы своих друзей в качестве приложения друг к другу.

Но если закрыть глаза на то, что произошло за последние десять лет, Харрис по-прежнему мой лучший друг, мое доверенное лицо и один из немногих людей, которые мне действительно симпатичны на этой населенной самовлюбленными эгоистами планете.

Возможно, какая-то часть меня все еще любит его сильнее, чем я готова признать это вслух.

Из-за двери доносится приглушенный голос. Через несколько секунд она распаивается, и я вижу перед собой Харриса. На носу криво сидят очки в черепаховой оправе, а от него самого пахнет несвежими простынями и крепким сном.

— Что? Что случилось? — Он щурится на меня и проводит ладонью по едва заметной щетине. Складки на подушке оставили на его щеке и лбу вмятины.

— Ты не брал трубку. — Крошечная частичка меня иррационально оскорблена его недоступностью.

— Я спал, а телефон был выключен.

— У меня чрезвычайная ситуация. Я улетаю в Юту.

Мой будничныи тон — уловка, которую он, вероятно, уже раскусил, но это все, что я могу сделать, чтобы сохранить самообладание.

Демонстрировать эмоции — не самая сильная моя сторона. Я скорее пройду тысячу осмотров у гинеколога, чем пролью хотя бы слезинку в присутствии другого человека. Да и вообще, слезы вряд ли помогут мне отыскать мою сестру.

Харрис приглаживает взъерошенные волосы, и его сонный взгляд обретает осмысленность.

— В Юту? Это... как-то связано с Мередит?

— Да. — Я складываю на груди руки. — Мередит пропала.

Я впервые произношу эти слова вслух, и у меня перехватывает дыхание. Думать об этом — одно, сказать — значит сделать реальным.

Она всегда была рядом со мной.

При взлетах и падениях.

Мой самый главный источник энергии.

И вот теперь ее нет.

— Что стряслось? — Харрис недоуменно поднимает брови, но затем прищуривается, словно наблюдает за крушением поезда.

— Она должна была забрать детей Эндрю из школы, — объясняю я, глядя на его босые ноги. — Но так и не появилась. Ее машину нашли на парковке супермаркета. Дверь со стороны водителя была открыта, сумочка и телефон лежали на пассажирском сиденье. Никаких следов борьбы. Она просто... исчезла.

— Черт! — Харрис опускает голову и потирает затылок.

— В любом случае, я просто пришла сказать тебе, что не знаю, как долго буду отсутствовать, поэтому тебе придется на некоторое время взять кафетерии на себя. — Мне неприятно вешать на него эту обузу, особенно сейчас, когда мы в полной заднице, но у нас просто нет выбора.

Десять лет назад мы с Харрисом окончили университет. Мы были по уши в долгах, а поскольку из-за кризиса найти работу было практически невозможно, мы сняли все деньги с наших кредитных карт и вложили их в крошечную кафешку в Бруклине. Два года спустя мы открыли еще одну в Челси. Затем еще одну в Ист-Виллидж. Сегодня у нас их в общей

сложности пять. Это была авантюра чистой воды, это возбуждало и напрягало и вместе с тем было восхитительно, потому что мы все делали вместе. Мы двое. Он и я. Бок о бок.

Но времена нынче тяжелые.

Конкуренция сейчас острее, чем раньше: повсюду появляются новые кафе, ими заправляют сидящие в соцсетях ушлые миллениалы, открывающие свои заведения благодаря бездонным карманам своих богатеньких родителей.

На прошлое Рождество буквально за углом открылось новое заведение под названием «Кофе-бар». Владелец изобрел целое меню из тематических напитков, вдохновленных фильмами «Один дома» и «Рождественские каникулы». Новостной портал «БуззФид» опубликовал о них статью, ставшую в одночасье вирусной рекламой, и теперь люди выстраиваются в очередь, растянувшуюся на целый квартал, чтобы отведать латте под названием «Оставь мелочь себе, грязное животное», хотя это всего лишь обычный кофе с добавкой из тыквенных специй и соленой карамели. Или «Ночной горшок кузена Эдди» — просто мокко со льдом и добавкой турецкого эспрессо. Ни один из этих напитков не требовал особого воображения, но мы не могли конкурировать с сенсацией, порожденной вирусной рекламой.

Наша декабрьская выручка упала на сорок процентов и с каждым днем продолжает снижаться. В ближайшие месяцы мы планировали закрыть минимум три кафе, но тут Мередит предложила мне кредит.

Я не хотела принимать ее помощь.

Но мне также не хотелось лишиться средств к существованию.

Или Харриса, чье нынешнее выражение лица напоминает человека, ставшего свидетелем автомобильной аварии со смертельным исходом.

— Ну ладно. Договорились. Как-нибудь справлюсь. Просто держи меня в курсе, хорошо? — говорит он.

Я медлю, топчусь за порогом. Мередит всегда была ему до лампочки, хотя он никогда не говорил ничего подобного. Это угадывалось в маленьких колкостях, которые он время от времени отпускал в адрес моей сестры, высмеивая ее пристрастие к социальным сетям, ее интерес к публикациям в таблоидах, а также ее привычку к слишком большому количеству косметики и слишком малому — одежды. Но больше всего он ненавидел ее за то, что она была откровенно сексуальной, но тут дело заключалось в его принципах. Будучи сыном преподавателей с гарвардским дипломом, специалистов в области женских проблем, а также имея трех старших сестер, Харрис просто не мог не стать убежденным феминистом.

— Боже, надеюсь, с ней ничего не случилось, — еле слышно бормочет он и смотрит куда-то в пол.

Забавно, но старые опасения уже не имеют значения сейчас, когда самые худшие из них, похоже, стали реальностью.

— Я буду держать тебя в курсе, — говорю я, хотя бы потому, что мне наверняка понадобится его здравый рассудок, чтобы не сойти с ума, пока я ее не найду. У него это всегда хорошо получалось, он всегда умел посмотреть на проблему с разных углов и отвести меня от края пропасти, не давая свернуть шею.

— Просто... Пожалуйста, пусть твой телефон всегда будет включен. Даже ночью. Я позвоню, только когда ты мне понадобишься.